

А. Йокубайтис, Р. Лопата

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ**

По окончании Второй мировой войны часть Восточной Пруссии, переданная СССР, была превращена в военную базу. С одной стороны, она стала западным аванпостом Советского Союза, с другой — была рубежом, гарантировавшим зависимость Прибалтийских стран от СССР, а также влияние Советского Союза в Польше. С окончанием холодной войны Калининградская область площадью 15 тыс. км², с населением около миллиона человек, являющаяся частью Российской Федерации и расположенная на самом западе страны, была изолирована от основной территории РФ и превратилась в эксклав, несмотря на выход к Балтийскому морю. Постепенно эксклав оказался на стыке двух международных систем безопасности, а в дальнейшем — окруженным одной из них. В результате этих изменений сложился так называемый калининградский дискурс: политические решения, научные дискуссии и исследования, являющиеся следствием внутренних преобразований СССР и РФ, а также перемен во внешней политике Центральной и Восточной Европы.

After the World War II the part of East Prussia taken by the Soviet Union was transformed into a gigantic Soviet military base. It performed the functions of the outpost in the West on the one hand; and on the other hand, of the barrier which helped the USSR to ensure the dependence of the Eastern Baltics and domination in Poland. After the Cold War, Kaliningrad Oblast, a territory of 15000 square metres with a population of nearly one million people, owned by the Russian Federation and located the farthest to the West, although on the Baltic Sea, ashore became isolated from the motherland and turned into an exclave. Gradually the exclave found itself first at the crossroads of different security structures and later – surrounded by one of them. Changes in the situation gave rise to the so-called Kaliningrad discourse, i.e. political decisions, academic discussions and research, influenced by the internal transformation in the USSR and the Russian Federation (RF) as well as slips in the international policies of Central and Eastern Europe.

Ключевые слова: калининградский дискурс, позитивистский подход, конструктивистский подход, философский подход, международные институты.

Key words: Kaliningrad discourse, positivist approach, constructivist approach, philosophical approach, international institutions.

Калининградский дискурс: этапы развития

Научная литература по калининградской проблеме хронологически обычно разделяется на три группы. В конце 80-х — начале 90-х годов такие труды моделировали будущее Калининградской области в рамках Потсдамской системы и рассматривали военную угрозу, которую область представляла для Балтийского региона. В середине 90-х начала развиваться идея «балтийского Гонконга» в качестве альтернативы предложениям по интернализации и демилитаризации региона. Она подразумевала раскрытие потенциала области в качестве связующего экономического звена между востоком и западом. На рубеже веков, после того как были предприняты шаги по демилитаризации эксклава, на первый план вышли угрозы невоенного характера. Особое внимание уделялось проблемам, связанным с расширением ЕС на восток, социально-экономическому развитию области, ее отставанию от соседей и последствиям превращения в «дважды периферию».

Через несколько лет, когда Калининградская область оказалось в окружении НАТО и ЕС, особую важность приобрели технические вопросы транзита российских пассажиров, товаров, а также военного транзита из и в Калининградскую область. Таким образом, область вопреки прогнозам не стала ни препятствием на пути развития евроатлантических институтов, ни причиной военного конфликта, не превратилась ни в «черную дыру» в контексте «мягкой»

безопасности, ни в очаг социально-экономической нестабильности в регионе Балтийского моря, о чем также много говорилось и писалось. Другими словами, Калининградская область движется вперед, и каждый ее новый шаг знаменует прогресс.

С другой стороны, оптимистический сценарий, подразумевающий нестандартные решения, принципы свободной торговли, широкой автономии и независимости действий региона, не оправдал ожидания. Все еще актуальны научные дискуссии о том, нейтрализовал ли процесс наложения западных и восточных структур в данной части Балтийского региона «потенциальную угрозу». Необходимо ответить на следующие вопросы: приведут ли исторические, культурные, социально-экономические и геополитические особенности Калининградской области к нестабильности в эксклаве? обладает ли область потенциалом стать пилотным регионом в рамках сотрудничества по вектору запад-восток? Все это говорит об исключительной чувствительности калининградского вопроса.

Позитивистский подход

Изначально исследования по калининградской проблеме, опирающиеся на реализм и современные геополитические теории, рассматривали трансформацию территориальных образований на востоке Балтийского региона и в Центральной Европе как новую площадку для чреватой конфликтами конкуренции в перераспределении влияния. В этой связи Калининградская область часто недвусмысленно называлась «второй Кубой», «новым Карабахом», «Балканами Балтийского региона», «Берлином периода холодной войны» и т.п. Почвой для таких оценок служил ряд факторов системного, регионального и местного уровней. Параллели между регионом и зонами международных конфликтов проводились по ряду причин: из-за стремления российских дипломатов использовать эксклав в целях сохранения влияния бывшего СССР на северо-западе и создания нейтральной территории (геополитического вакуума) в Центральной Европе; значительного уровня милитаризации области и восприятия Калининграда как аванпоста российской политической элитой; кризиса власти в России и интеллектуальных попыток международного сообщества, зачастую берущих начало в Москве, интернационализировать проблему, обратившись к вопросу о политическом будущем эксклава. В этой связи Калининградская область стала восприниматься как угроза региону Балтийского моря и до сих пор рассматривается как один из факторов, влияющих на политическое равновесие.

Второй этап развития исследований по Калининградской области совпал с окончанием первого периода развития отношений восток-запад после окончания холодной войны. Стабилизация отношений произошла при переходе к стадии сотрудничества и конкуренции, для которой характерно взаимодействие в сферах общих национальных интересов, а также урегулирование разногласий или признание возможных различий в интересах сторон. В случае Калининградской области этот период совпал с процессом демилитаризации региона. В то же время возросла популярность исследований, предлагающих модели решений проблем эксклава.

В контексте расширения понятия международной безопасности в рамках неореалистического структурного анализа были предприняты попытки осмысления стратегий альтернативного развития Калининградской области. Опираясь на положения о целостности, неделимости и комплексности безопасности, исследователи рассматривали Калининград в контексте не только этатизма и столкновения интересов государств, но и их мирного сосуществования. Другими словами, после геополитических изменений в регионе Балтийского моря российский эксклав стал восприниматься не как источник основной угрозы для региона, но как вызов, открывающий возможности для новых сценариев развития Балтийского региона в целом и Калининградской области в частности. Наиболее заметные исследования в данном ключе либо рассматривают Калининград как «балтийский Гонконг», либо применяют схемы антикризисного управления для нейтрализации сценария развития «дважды периферии», либо отводят ведущую роль гражданскому обществу.

Усиление евроатлантической интеграции, расширение на восток, а также внешнеполитическая тактика российской стороны на рубеже XX и XXI веков — вот те обстоятельства, в которых возник калининградский парадокс. Они привели к возрождению реалистического подхода наряду с применением учетных оценок издержек, стимулировали развитие неореалистического взгляда на расслоение интересов системных, региональных и локальных акторов, оказывавших влияние на Калининградскую область. И наконец, ввиду популярности конструктивистского подхода

возникшая ситуация привела к пересмотру методологического подхода Бэрри Бьюзена (так называемая Копенгагенская школа) к калининградской проблеме [4; 11; 12; 14; 16; 19; 20].

Конструктивистский подход

Конструктивистский, или шире — постмодернистский, анализ Калининградской области РФ затронул несколько аспектов. В исследованиях, посвященных Калининграду, вопрос национальной идентичности затрагивался в контексте сравнения геополитической идентичности России и ЕС. Ключевой вопрос затрагивал соотношение модернистского и постмодернистского понимания эксклава как периферии. Эти два подхода имеют множество общих черт: критика реалистического понятия власти, использование неореалистического принципа неделимости безопасности, важность межсубъектных значений, возникающих вследствие взаимодействия акторов на международной сцене, и практические рекомендации в сфере внешней политики.

В сущности, исследования в данной области пытаются установить, насколько применимы модернистский и постмодернистский подходы к стратегиям приобретения влияния, ресурсов и извлечения пользы в контексте периферии (эксклава), а именно Калининградской области РФ в рамках анализа соотношения стратегии и следующих трех факторов: региональных особенностей (идентичности, зрелости элит), международной и региональной структуры, дискурсивной роли и источников исторического нарратива периферии. Исследования преимущественно предлагают модернистский анализ упомянутых парадигм Калининградской области как аванпоста и четвертого прибалтийского государства и постмодернистский анализ области как «пилотного» экспериментального региона.

Обобщая сказанное, можно выделить несколько аспектов. Исследования в рамках реалистического и неореалистического подходов зачастую политически ангажированы, свидетельством чему являются практические рекомендации (стоит отметить, что стороны, заинтересованные в присутствии Калининграда в политической повестке дня, стимулировали и поддерживали исследования вне зависимости от выбранной исследователем методологии). Наблюдаемая гибкость в исследованиях позволяет утверждать, что, прибегая к реалистической (неореалистической) критике, авторы признают ограниченность конструктивистского подхода в случае Калининградской области.

В отношении первого аспекта необходимо отметить, что опирающиеся на конструктивизм (постмодернизм) практические рекомендации по Калининградской области сходятся в том, что геополитические различия России и ЕС должны быть преодолены в рамках диалога, основанного на принципах организации нового политического пространства: детерриторизации, уменьшении значимости государственных границ и качественном изменении их функций, а также приграничном сотрудничестве и международном взаимодействии, направленном на устранение различий соседствующих регионов и увеличение независимости региональных акторов.

Что касается второго аспекта, трудно оспорить конструктивистское положение о том, что влияние, оказываемое на Калининградскую область, в значительной степени зависит от идентичности населения, а также динамики отношений региона и «континентальной» России. Пределы применимости конструктивистского подхода становятся очевидными при ответе на вопрос, какие парадигмы (аванпост, четвертая прибалтийская республика, пилотный регион и т. п.) наиболее адекватны в процессе преобразования периферии в регион, который обладает значительной автономией и потенциалом оказания внешнего влияния. Ответ на этот вопрос зависит от конкретных обстоятельств [4; 9; 12—14; 16; 19; 20].

Философский подход

В настоящее время в дискуссиях по калининградской проблеме редко принимают участие философы. Такие дискуссии не чужды философии, но проходят в отсутствие специалистов в данной сфере, что является большим парадоксом последних дискуссий по Калининграду. Этот парадокс тем более интересен, что никто из философов не снискал такой славы, как кёнигсбержец Иммануил Кант.

Действительно ли Кант не мог бы внести вклад в текущую дискуссию по калининградской проблеме? Такая позиция приводит к парадоксу: известный своими рассуждениями о международных отношениях Кант оказывается несостоятельным в контексте дискуссии о судьбе его родного города. Более убедительным кажется противоположный ответ: Кант может быть

полноправным участником обсуждения калининградской проблемы. Его философские труды могут пролить свет на некоторые ее аспекты.

Установление связи между Кантом и калининградской проблемой — захватывающая идея [24]. Но на пути ее воплощения существует серьезное препятствие: Кант не знал особенностей сегодняшней ситуации вокруг его родного города — поэтому изложение кантовского подхода к проблеме может свестись к ничем не обоснованным предположениям. Тем не менее это возможно. Необходимо вывести дискуссию на уровень принципов с уровня неизвестных Канту исторических подробностей. Аналогично, составленная двести лет назад Конституция США содержит решения многих проблем сегодняшнего общества. Политическая философия Канта также может быть адаптирована к новым политическим реалиям, неизвестным автору.

Калининградская область — уникальное явление на политической карте современной Европы. Ее своеобразие обусловлено тремя факторами. Во-первых, область — уникальное политическо-правовое образование, провоцирующее дискуссии о международном признании его статуса. Во-вторых, после распада Советского Союза Калининградская область стала эксклавом (подобно Восточной Пруссии после Версальского договора), отделенным от основной территории страны несколькими сотнями километров. В-третьих, будучи субъектом РФ, область вынуждена постоянно доказывать свою уникальность по сравнению с другими регионами страны, что является источником напряженности между регионом и федеральным центром.

О Канте часто говорят как о создателе идеалистической теории международных отношений. Кантовский трактат «К вечному миру» считается классической работой данного направления. Тем не менее Кант не одобрил бы такого подхода к своему труду как противоречащий основным целям его критической философии. Кант пытался синтезировать эмпиризм и рационализм, а не создать идеалистическую теорию. Его интересовало не только трансцендентально идеальное, но и эмпирически реальное.

Рассматривая калининградскую проблему, Кант в первую очередь сказал бы всем, кто считает ее исключительно эмпирической, что они не правы. В таком случае международные отношения окажутся сведенными к эмпирическому — стремлению к выгоде, военной и экономической мощи. Более интересна их связь с принципами морали и права. Суть кантовской политической философии хорошо отражает различие политика и государственного деятеля, предложенное Джоном Ролзом: «Политика интересуется следующие выборы, а государственного деятеля — следующее поколение» [23, р. 97]. Политик может стать государственным деятелем только соблюдая принципы правового и политического взаимодействия, применимые к обществу любой нации.

Кант был убежден, что изменение политической карты мира не является задачей настоящего государственного деятеля. Его цель скромнее и благороднее — соблюсти принципы политической справедливости, способствующие установлению вечного мира. Приверженец кантовской философии Ролз утверждает, что Отто фон Бисмарк, Наполеон и Адольф Гитлер не были государственными деятелями: они изменили историю человечества, но не создали моральных и правовых предпосылок вечного мира. Продолжая эту мысль, можно сказать, что, решая вопрос Кёнигсберга, ключевые участники Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций проявили себя только как политики, но не как государственные деятели.

Нетрудно представить кантовское отношение к решению Потсдамской конференции по поводу его родного города. В трактате «К вечному миру» он недвусмысленно говорит о том, что «войной и ее счастливым исходом — победой — не решается вопрос о праве» [3, р. 104]. Кант осудил бы решения Потсдамской конференции. Эти решения противоречат его концепции международных отношений. Кантовская политическая философия может не только послужить критике несправедливых решений международной мирной конференции, но и помочь в поиске решений в сложных ситуациях, когда несправедливое политическое решение может негативно отразиться на всем жизненном укладе. Анализируя кантовские труды, исследователи зачастую не обращают внимания на предложенные способы воплощения второй «предварительной статьи», которая необходима для решения спорных вопросов международной политики. С кантовской точки зрения, нарушение статьи, исключающей оккупацию и войну, не влечет за собой ее немедленное восстановление. О выполнении предварительных статей договора о вечном мире он писал следующее: «Хотя приведенные законы объективно, т.е. по замыслу правителей, все без исключения запрещающие законы (*leges prohibitivae*), однако некоторые из них относятся к разряду строгих (*leges strictae*), имеющих силу при любых обстоятельствах и нуждающихся в немедленном осуществлении (ст. 1, 5, 6); другие же (ст. 2—4), субъективно расширяющие (*leges latae*), правда не как исключения из правовой нормы, но силой обстоятельств в отношении ее соблюдения, содержат в себе разрешение отсрочить исполнение; причем не нужно терять из виду

цель, не допускающую отсрочки до бесконечности (*ad calendas graecas*, как говорил обычно Август), например восстановления свободы государств, лишившихся ее по ст. 2; исполнение этих законов не равносильно восстановлению, а должно осуществить его более медленно только для того, чтобы восстановление не было слишком поспешным и, таким образом, не шло бы во вред самой цели» [3, р. 97].

Эта цитата показывает, что Кант действительно не потребовал бы немедленного решения калининградской проблемы. Он бы согласился отсрочить исполнение статей и потребовал бы, подобно консерватору, рассмотреть все обстоятельства. Такой подход был бы одобрен приверженцами *реальной политики*. Тем не менее Кант не имел ни малейшего сомнения в необходимости исправления последствий неправильных политических решений. Он считал, что восстановление справедливости не может быть отложено до страшного суда или, как говорил император Август, *ad calendas Graecas*.

Иногда говорят, что философия Канта легла в основу концепции Евросоюза, что представляется сомнительной интерпретацией его идей. Цели Канта были скромнее, чем цели создателей ЕС. Предложенная им федерация больше напоминает ООН, нежели Евросоюз. Последний показался бы Канту угрозой суверенитету стран-участниц. Здесь стоит согласиться с Хабермасом, который утверждал, что Кант считал суверенитет неприкосновенным и что в его работах речь шла лишь о федерации государств, но не о более централизованном политическом союзе [1, р. 180].

Иная ситуация сложилась после распада Советского Союза. Калининградская область, закрытая до 1991 г., сегодня столкнулась с тем, что Кант называл «правом гражданина мира» (*Weltbürgerrecht*). Кант считал, что «более или менее тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других» [3, р. 107—108]. Калининградская область находится сегодня между двумя культурами и политическими системами, темпы модернизации которых сильно разнятся, — Российской Федерацией и Европейским союзом. Однако без ответа остается вопрос, выберет ли Россия, которая, по Хантингтону, принадлежит в глазах соседей к иной цивилизации, свой собственный путь? [2, р. 99].

Обсуждая проблемы вечного мира, Кант писал, что «гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [3, р. 99]. Это убеждение трудно совместить с идеями истинного либерализма. Истинный либерал не может требовать того, чтобы весь мир придерживался его идей относительно морали и политики. Тем не менее данную точку зрения разделяют многие в Евросоюзе. Таким образом, можно сказать, что европейское будущее Калининградской области опирается на способность населения следовать кантовским политическим принципам — свободе граждан и верховенству закона. Вероятно, это самый главный урок, который Кант может преподать сегодняшним жителям его родного города. Создание крепкого гражданского общества — ключевой элемент решения калининградской проблемы.

Кант предполагал, что решения правительства должны опираться на волю и выбор народа. Сегодня Калининградская область не отвечает некоторым важным требованиям гражданского общества. Она является скорее заложницей федерального правительства, нежели свободным объединением граждан. По-настоящему свободные граждане начинают относиться к возникающим проблемам как к своим собственным. Принимая это положение кантовской политической философии, отметим, что Калининградская область еще не воспользовалась возможностью стать объединением свободных граждан. Быть может, для этой заложницы международной политики XX века это единственный способ стать частью культурной и политической жизни объединяющейся Европы.

Стратегический потенциал российского правительства и необходимость управления эксклавом

После холодной войны значимость эксклава определялась сочетанием нескольких символических и стратегических соображений. Символические соображения ранее касались российской риторики, представлявшей Калининград/Кёнигсберг честно завоеванным трофеем Второй мировой войны. Однако такая риторика брала начало в неопределенности статуса области в контексте международного права и, соответственно, Потсдамской системы.

Стратегические соображения отразились в попытках Москвы использовать геополитическую значимость региона, то есть либо сохранить эксклав как военный аванпост на западе, либо превратить его в инструмент структурной интеграции с западом, например в российскую

геополитическую платформу («проходную пешку») на подступах к Европейскому союзу. Важно подчеркнуть, что попытки извлечь практическую пользу из геополитического положения области сопровождались не только стремлением Москвы узаконить военный трофей, но и эффективным управлением, т.е. совершенствованием институциональной базы, основы будущей политической, правовой и экономической стабильности эксклава [2; 7; 11; 14; 16; 17; 19; 20].

а) Правовая принадлежность к Российской Федерации

После распада Советского Союза эксклавное положение Калининградской области вызвало политическую, экономическую и психологическую напряженность. В особенности ситуацию усугублял тот факт, что геополитические изменения спровоцировали дискуссии не только по поводу уникальности этой территории, но и по поводу ее международного признания в качестве части России. Говорилось о том, что Калининградская область и Россия почти не имеют общей истории. Бывшая Восточная Пруссия и Кенигсберг были аннексированы Советским Союзом после Второй мировой войны в качестве инструмента обеспечения зависимости Прибалтийских стран. Таким образом, Москва не имела исторических прав на эту территорию. Другими словами, проблема Калининградской области была неотделима от проблемы ее политического будущего при учете, что ее принадлежность к РФ не была утверждена окончательно (речь не шла о суверенитете, потому что по решению Потсдамской конференции часть Восточной Пруссии была аннексирована СССР для временного управления вплоть до установления мира).

После падения «железного занавеса» эти соображения нашли отражение в различных планах интернализации, возникших на западе и в соседних странах (раздел, кондоминиум, экстратерриториальность, деколонизация, расширение автономии, независимость).

С другой стороны, многие дискуссии такого рода были сознательно спровоцированы Москвой. Европейские страны были вынуждены официально отказаться от планов интернализации. Соседние страны, в частности Литва, подписали соглашения, гарантирующие создание благоприятных условий для жизнеобеспечения Калининградской области и в то же время определявшие «особые интересы» развития эксклава. Таким образом, Москва пыталась подкрепить политический аргумент относительно органической связи области с «континентальной» Россией и переключить внимание с проблемы политического будущего области на «технические» вопросы ее экономического и социального развития.

Необходимо отметить, что проблема будущего области рассматривалась Москвой не только в свете Потсдамской системы и отношений с западными странами, но и в контексте Курильских островов и отношений с Японией, а также влияния этой ситуации на общую стратегию России на Дальнем Востоке. Другими словами, российская сторона осознает, что абсолютная законность территориальных притязаний не может быть доказана в случае Курил, это также маловероятно и в случае Калининградской области. Москва надеется решить данную проблему, достигнув состояния равновесия: в отношении территориальных споров на востоке она пытается разыграть китайскую карту, а в отношении Калининградской области — западноевропейскую. Таким образом, Кремль стремится поддержать status quo на западном и восточном флангах, при этом сохранив политические и дипломатические достижения, а также сферы влияния, в том числе и территориальные [5; 6; 9—11; 14; 16].

б) Эффективное управление

С точки зрения международного права попытки разрешения вопроса о статусе области путем изменения баланса сил имеют прямое влияние на московское видение практической стороны управления эксклавом.

Кремль пытается создать образ Калининградской области как независимого субъекта Российской Федерации. Хотя эта идея находила различные практические воплощения (в 1991—1995 гг. при губернаторе Ю.С. Маточкине — СЭЗ «Янтарь», в 1996—2000 гг. при губернаторе Л.П. Горбенко — ОЭЗ, в 2000—2005 гг. при губернаторе В.Г. Егорове — «пилотный регион», в настоящее время при «назначенном» губернаторе Г.В. Боосе — «мини-государство»), все они отражают московскую стратегию: имитируя независимость области, убедить местную политическую элиту в том, что у федерального центра есть план развития области, а также внутренние и внешние механизмы его исполнения.

Пытаясь сохранить область и в то же время используя ее как инструмент влияния на процесс европейской интеграции, Кремль выбирает такие пути и принимает такие решения, которые обеспечили бы воплощение избранной стратегии, вне зависимости от того соответствуют ли они ключевым интересам области. С другой стороны, чтобы обеспечить законность своих действий, Россия была должна обратиться и к практической стороне проблемы, поскольку недостаточная

стимуляция развития региона при существующих обстоятельствах могли привести к укреплению антифедеральных настроений. Поэтому в соответствующих документах всегда ставилась цель развития области как неотъемлемой части Российской Федерации, в то время как федеральный центр и местные политики делали всё, чтобы решить проблемы региона. Эти меры принимались для нейтрализации того обстоятельства, что повышенное внимание к эксклаву совпадало с решением Москвой той или иной стратегической задачи. Примером тому может служить ситуация вокруг специального экономического режима в области и транзита, а также та роль, которую играет в области военная элита [9; 16; 18; 19; 20].

в) Военная функция эксклава

С формальной точки зрения эта функция связана с гарантией зависимости области от Российской Федерации как во внутренних, так и внешних аспектах.

В отношении внутреннего аспекта можно сказать, что остаточный уровень милитаризации области позволяет Москве контролировать поведение региональных политических элит. Например, в 1994—1995 гг. ограничение и отмена режима СЭЗ сопровождалось созданием особого района обороны, контролируемого Балтийским флотом и напрямую подчиняющегося министру обороны и Генштабу. Во время губернаторских выборов 2000 г. Кремль почти открыто поддерживал командующего Балтийским флотом адмирала В.Г. Егорова, популярного в кругах местной политической элиты и лояльного В.В. Путину (он стал единственным адмиралом-губернатором за всю историю РФ). В конце 2005 г. командование Балтийского флота РФ, которое возглавлял адмирал В.П. Валуев, недвусмысленно предупредило губернатора Г.В. Бооса о том, что военная элита области не одобряет укрепления культурного и экономического сотрудничества области с зарубежными странами, так как они могли бы поспособствовать отдалению Калининградской области от РФ.

Относительно внешнего аспекта необходимо отметить, что военный потенциал области — один из инструментов Кремля в диалоге с Западной Европой (и США) о равновесии сил. В этой связи подавляющая функция российского военного фактора распространяется за пределы области, как минимум, на восточную часть Балтийского региона. Например, в 1993—1995 гг. и весной 2001 г. Москва предприняла попытку использовать ситуацию, сложившуюся вокруг военного транзита из области и в область через территорию Литвы не только для того, чтобы затормозить процесс интеграции Литвы в НАТО, но и для того, чтобы посредством необходимых для транзита соглашений удержать Литву в зоне влияния и в более широком масштабе — контролировать процесс экспансии западных структур на восток, одновременно оказывая влияние на геополитическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе. Важно отметить, что в соответствующий период Франция и особенно Германия симптоматически занимали позицию невмешательства и даже выражали одобрение данных тенденций в России [9—11; 16; 18—20].

Роль зарубежных стран и международных институтов

По окончании холодной войны ряд западных стран обратил внимание на проблему Калининградской области. Важно отметить, что ни одна из них не напомнила России о двусмысленности правового и политического статуса региона и не решилась вызвать подозрения по поводу усиления сепаратистских настроений в отношении области. Эта позиция, которую можно воспринять как попытку не отчуждения, а постепенного структурного сближения России с западом, позволила Москве корректировать соотношение сил на западном фланге, отвлекая внимание от правовых и политических аспектов на «технические» вопросы социально-экономического развития региона и гарантируя то, что западные страны, и в частности ЕС, не будут открыто выражать свои взгляды по поводу региона, прежде не проинформировав Москву. В конце концов, «скромность» запада позволила России, которая в то время проводила прямую геополитическую линию между Москвой и Калининградом, использовать регион как инструмент сдерживания развития и интеграции западных структур (требуя, например, специальные решения относительно жизнеспособности области в качестве субъекта РФ), иными словами, превращая эксклав в геополитического заложника отношений восток — запад.

Соседние страны — Литва и Польша — пытались оспорить данную формулу геополитики Калининграда, так как калининградская проблема затрагивала их непосредственно, особенно во время принятия решений о «переключении» на запад и воплощения их в жизнь. Они многократно пытались привлечь внимание запада к российской внешней политике, нацеленной на пересмотр соотношения сил, возникшего в ходе евроатлантической интеграции, и выражали недовольство

тем, что этот процесс происходит за счет интересов малых стран и что калининградская проблема может быть использована в этих целях.

В результате в 1993—1995 гг. Литва поддержала США и Великобританию, которые противостояли российскому давлению, направленному на узаконивание военного транзита через территорию Литвы. В 2001 г. официальная парадигма «признания проблемы Калининградской области приоритетной», сформулированная в Вильнюсе в 1998 г., была одобрена Европейской комиссией и некоторыми странами Северной Европы. Важно отметить, что изначально Москва не имела возражений против этой парадигмы, так как членство Литвы в ЕС казалось далекой перспективой, и была в большей степени озабочена тем, чтобы «рассорить» Европу и США и укрепить отношения с крупными странами ЕС.

Тем не менее, осознавая ошибку, сделанную в оценке масштаба и темпов евроатлантической интеграции, и, с одной стороны, не располагая средствами для остановки этого процесса, а с другой стороны, надеясь, что западу не удастся интегрировать новые страны-участницы, Москва открыто продолжила улаживать возникший конфликт. Утверждая, что для Калининградской области расширение ЕС является внешним фактором, Брюссель взял на себя ответственность за адаптацию этого субъекта РФ, а также сообщение с «континентальной» Россией. ЕС пытался модифицировать структуру диалога о развитии Калининградской области, исключив из него граничащие с регионом страны.

Стремясь нейтрализовать российское влияние на национальные интересы в рамках евроатлантической интеграции, Польша и Литва пытались свести свое участие в этом диалоге к минимуму. Объявив себя «нетранзитными» государствами, они, в сущности, заставили Россию сконцентрировать все внимание на одной цели — Литовской Республике.

Наряду с другими привилегиями для российской стороны, Москва потребовала от Литвы экстерриториальный коридор, назвав Вильнюс препятствием на пути нормального развития эксклава. В то же время Россия использовала взаимоотношения с крупными странами ЕС для того, чтобы получить привилегии для всех жителей Российской Федерации, оказывала давление и одно время даже шантажировала Европейскую комиссию. После расширения ЕС Россия потребовала создания специального формата для переговоров относительно проблемы Калининградской области.

Ранее в рамках дипломатических отношений России и ЕС последний играл по правилам, устанавливаемым первой. Брюссель отказывался брать на себя политическую ответственность за развитие области и был согласен заниматься проблемами, возникающими вследствие расширения ЕС, и не препятствовал вложению европейских средств в развитие эксклава, в основном на российских условиях (новый закон об ОЭЗ, перераспределение Москвой европейских средств, выделенных для развития региона, определение объектов финансирования федеральным центром).

Тем не менее качественно новая ситуация в Калининградской области, характеризующаяся тем, что эксклав не имеет возможности дистанцироваться от центра и приобретает функцию активного российского геополитического субъекта в пространстве евроинтеграции, сложилась в результате прямого контакта Москвы с западом, особенно с наиболее важным партнером в этом контексте — Берлином. Результатами этого контакта можно назвать и строительство газопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря, а также новые транспортные маршруты: в 2006 г. прямые рейсы в Москву и Санкт-Петербург дополнились прямым рейсом Калининград — Берлин. С другой стороны, подобные шаги ЕС могут рассматриваться как стремление вовлечь Россию в стратегическое партнерство (не исключая последующей структурной трансформации последней), используя фактор Калининградской области.

Укрепление связи эксклава с центром

Россия прибегала к различным методам избежания изоляции эксклава, увеличения зависимости области от «континентальной» России и усиления влияния на процесс интеграции ЕС. Идея «пилотного региона» также использовалась для контроля над областью: был принят новый Закон об ОЭЗ, привлекая как крупный капитал из центра, так и инвестиции из-за рубежа и ставший причиной перемен в политическом руководстве области. Губернатор Г.В. Боос провел радикальную реорганизацию системы управления регионом, разработал особые проекты социально-экономического преобразования и получил одобрения Кремля в отношении новаторских планов модернизации области. В последнее время часто говорят о том, что по реализации этих инициатив, когда в эксклаве сконцентрируется значительный российский

капитал, у Москвы появится еще один инструмент вмешательства в экономику соседних стран. В то же время рост населения, посредством обеспечения демографического превосходства региона над Эстонией и Литвой, а также развития транзитных путей через территорию Литвы может привести к формированию уникальной идентичности жителей области.

Поскольку многие прогнозы по Калининградской области, составленные по окончании холодной войны, не оправдались, а многочисленные российские планы модернизации не были исполнены по ряду причин, можно ожидать, что для увеличения зависимости региона Москва предпочтет традиционные меры, в первую очередь укрепление связи эксклава с центром.

Традиционно Россия стремилась обеспечить эту связь, вовлекая в нее территорию Литвы с помощью решения проблемы военного транзита, а также транзита пассажиров и грузов. Вопрос российского военного транзита через территорию Литвы стал одним из самых чувствительных, вызывая заметную напряженность между Москвой и Вильнюсом. Суть проблемы заключалась в том, что Россия стремилась обеспечить беспрепятственный военный транзит через территорию Литвы, которая оценивала эти стремления как угрозу своему суверенитету и перспективам интеграции в НАТО. В начале 1995 г. был достигнут компромисс: за Москвой осталось право на военный транзит, а литовский суверенитет был при этом защищен. Установленная процедура российского военного транзита не препятствовала будущей интеграции Литвы в НАТО.

Во время интеграции Литвы в ЕС возник вопрос относительно транзита граждан РФ между Калининградской областью и остальной территорией страны. Достигнутый компромисс потребовал участия не только России и Литвы, но и Евросоюза. Несмотря на попытки России особым образом институализировать вопрос транзита грузов, решения по этому поводу касаются в основном технической стороны. Важно отметить, что Москва прикладывает значительные усилия к объединению всех трех типов транзита, чтобы в результате распространить правила транзита пассажиров на грузы, а затем и военный транзит [4; 11; 15; 16; 18; 20].

Направления дальнейшего исследования

Несмотря на многочисленность исследований, посвященных калининградской проблеме, множество вопросов остаются без ответа. Например, наиболее парадоксальный вопрос можно сформулировать следующим образом: *почему Россия не препятствует, а скорее поощряет отношение к региону как к особой территории, но при этом не допускает практической реализации этой особенности?* Немаловажно, что этот парадокс невозможно объяснить исключительно субъективными целями России и ее двойной игрой, хотя элементы такой игры заметны в инертной реакции центра на вызовы геополитической трансформации региона Балтийского моря.

Дальнейшие исследования должны опираться на три вида анализа. Первый вид — анализ геополитического окружения региона Балтийского моря, при котором особое внимание уделяется политике запада в отношении России. Второй вид — анализ тенденций российской внутренней и внешней политики. Третий вид касается наблюдений за политическим и социально-экономическим развитием Калининградской области. В совокупности они могли бы объяснить дальнейшую трансформацию области как геополитической заложницы Российской Федерации.

Список литературы

1. *Habermas J.* The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1999.
2. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. A Touchstone Book, 1997.
3. *Kant I.* Political Writings. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1999.
4. *Lopata R.* Lithuanian Card in Russian Policy, 1914—1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1994. №42. See also in Lithuanian: *R. Lopata.* Lietuvių korta Rusijos politikoje (1914—1917 m. slaptasis karas) // *Darbai ir dienos: acta et commentationes Universitatis Vytauti Magni*, 1995. №1 (10). P. 43—57.
5. *Lopata R. Žalys V.* Lietuvos geopolitinis kodas // *Politologija*, 1995. №1 (6). P. 13—21.
6. *Lopata R. Sirutavičius V.* Lithuania and Kaliningrad Oblast: a Clearer Frame for Cooperation // *Lithuanian Foreign Policy Review*, 1999. №3. P. 51—66; *Lithuanian Political Science Yearbook 1999*. Vilnius, 2000. P. 266—276.
7. *Lopata R. Joenniemi P. Sirutavičius V. Vilpišauskas R.* Impact Assessment of Lithuania's Integration into the EU on Relations between Lithuania and Kaliningrad Oblast of the The Russian Federation // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2000. №2 (6). P. 133—178.

8. *Lopata R.* Die heutige Bedeutung Königsbergs. *Annaberger Annalen // Jahrbuch über Lituaen und Deutsch-Litauische Beziehungen.* 2001. №9. P. 183—189.
9. *Lopata R.* Vis dar užmirštas užkampis: Kaliningrado srities ateitis // *Skaitiniai apie nacionalinį saugumą. D.* 2. Vilnius, 2001. P. 48—52.
10. *Lopata R. Laurinavičius Č.* Karinė reforma Rusijoje: politinės trajektorijos // *Politologija.* 2001. №3 (23). P. 3—20. See also in English: *Russia's Military Reform: Political Trajectories // Lithuanian Political Science Yearbook 2000.* Vilnius, 2001. P. 197—210; *Baltic Defence Review,* 2001. №6. P. 99—110.
11. *Lopata R.* Proč se vynoŕuji kaliningradske otázki? // *Miezinárodní Polityka.* 2002. R. XXVI, №3. P. 10—11.
12. *Lopata R.* Relations with Russia; Lithuania's Promotion of Regional Security / *R. Lopata, Č. Laurinavičius, E. Nekrašas* et al. *Lithuania's Security and Foreign Policy Strategy, CSIS Eastern Europe Project.* Washington D.C., CSIS, 2002. P. 34—37, 56—59. See also: *Lithuanian Political Science Yearbook 2001.* Vilnius, 2002. P. 206—208, 222—225.
13. *Lopata R.* Lithuania and the Promotion of Regional Security // *The Great Debate.* Vilnius: Ogamas, 2002. P. 55—66.
14. *Lopata R. Laurinavičius Č. Sirutavičius V.* Rusijos Federacijos karinis tranzitas į/iš Kaliningrado srities per Lietuvos teritoriją. *Politologija.* 2002. №4 (28). P. 3—35. See also in English: *Military Transit of the The Russian Federation through the Territory of the Republic of Lithuania.* *Lithuanian Political Science Yearbook 2001.* Vilnius, 2002. P. 131—158.
15. *Lopata R.* Naujausios Kaliningradistikos apžvalga // *Politologija.* 2002. №1 (25). P. 96—104. See also in English: *Review of the Recent Publications on Kaliningrad.* *Lithuanian Foreign Policy Review.* 2002. №2 (10). P. 81—88.
16. *Lopata R.* Euroregions: Making the Idea Work // *H. M. Birckenbach, Ch. Wellman* (eds.). *The Kaliningrad Challenge: Options and Recommendations.* Miuinster: LIT Verlag, SCHIFF. 2003. Bd. 10. P. 247—256.
17. *Lopata R.* Potsdamo šleifas — “Kaliningrado galvosūkiu” raktas? [rec. kn.: *V. Landsbergis. Karaliaučius ir Lietuva. Nuostatos ir idėjos.* Vilnius: Demokratinės politikos institutas, 2003. 321 p.] // *Politologija.* 2003. №4 (32). P. 117—124.
18. *Lopata R.* The Transit of Russian Citizens to and from Kaliningrad Oblast through Lithuania's Territory / *Kaliningrad in Europe: a study commissioned by the Council of Europe.* Strasbourg, 2003. P. 103—114. See also in Russian: *Lopata R.* Tranzit rossijskich grazhdan iz Kaliningradskoj oblasti i v Kaliningradskuju oblast cherez teritoriju Litvy. *Kaliningrad v Jevrope: issledovanie podgotovleno po zakazu Soveta Evropy.* Strasburg, 2003. P. 115—127.
19. *Lopata R.* Geopolitinis įkaitas: Rusijos Federacijos Kaliningrado (Karaliaučiaus) srities atvejis // *Lietuvos metinė strateginė apžvalga 2003.* Vilnius, 2004. P. 177—192. See also in English: *R. Lopata. Geopolitical Hostage: the Case of Kaliningrad Oblast of the the Russian Federation // Lithuanian Annual Strategic Review 2003.* Vilnius, 2004. P. 203—220.
20. *Lopata R. Statkus N.* Empires, the World Order and Small States // *Lithuanian Foreign Policy Review,* 2005. №1—2 (13—14). P. 17—52.
21. *Lopata R.* Kaliningrad Anniversary: the First Steps of Georgy Boos // *Lithuanian Foreign Policy Review.* 2005. №1—2 (13—14). P. 127—152.
22. *Lopata R.* Kaliningrad otage géopolitique de la Russie: un point de vue lituanien. // *Le courrier des pays de l'Est,* 2005. №1048. P. 30—39; *Lopata R.* Geopolitical Hostage: The Case of Kaliningrad Oblast in the the Russian Federation // *Rindzeviciute E.* (ed.). *Contemporary Change in Kaliningrad: A Window to Europe?* (*Baltic & East European Studies* 6). Huddinge: Center for Baltic & East European Studies, 2006. P. 35—54.
23. *Rawls J.* *The Law of Peoples with „The Idea of Public Reason Revisited“.* Cambridge, Massachusetts; London, England, Harvard University Press, 1999.
24. *Williams H.* Back from the USSR: Kant, Kaliningrad and World Peace // *International Relations.* 2006. №20. P. 27—48.